

Третья экспедиция (Юго-Восточный Дагестан, август 1983 г.)

4/VIII

Едем в поезде второй день, завтра будем в Махачкале. Нас четверо – Кибрик, Сима, Мира [1] и я. А Тенька сейчас едет на экспедиционной машине, сопровождает ее.

Я в этом году не собирался в экспедицию. Но что-то сорвалось, образовался небольшой запас времени, и я решил съездить, хоть ненадолго.

Экспедиция в это лето планировалась необычная, без студентов. Кибрик с Сандро собирались месяца за два объездить весь Дагестан, собрать все хвосты – залатать все дыры в словаре. И тем самым покончить с Дагестаном.

Но планы, составлявшиеся еще в прошлой экспедиции, начали рушиться с самого начала. Летом у Тamarочки с Сандро родился сын. Естественно, что это событие предвиделось, и Сандро давно отпал. Кибрик стал колебаться, какую экспедицию организовывать – может быть, все же со студентами, или без них.

Но для студентов не нашлось «мамы», на попечение которой можно было их оставить, отправившись в вояж по подборанию хвостов. Кибрик надеялся на Катю, но она этой зимой вышла замуж за Володю Плунгяна и стала готовиться к роли мамы, но без кавычек. Оставалось организовывать экспедицию без студентов. И не надеяться закончить словарь в этом году. Все равно придется вместе с Сандро ехать в будущем.

«Ядро» экспедиции было ясно – Кибрик, Тенька и Мира. Мы с Симой присоединились после (и то – только на первую часть экспедиции). Кибрик заказал машину и определил дату выезда – 27 июля. Но за две недели до выезда заболела Нинон, он повез ее к Касьяну [2] и отложил выезд на неделю – на 3 августа.

На автобазе Кибрик заказывал ЗИЛ-131 с будкой, такой же, какой был у нас в прошлом году (Володина машина). Но дали ему вначале Газ-66 – такую же машину, какая была в позапрошлом году. И шофера – новичка, только что поступившего на базу. Машина, только что вернувшаяся из капитального ремонта, была не совсем в порядке. Роман (так звали шофера) жаловался, что масло течет и еще что-то. Кибрик съездил на машине к себе на дачу – забрать пружинный матрац – привычная ему «организация» сидения в кузове. На обратном пути машина что-то зачихала, и ясно было, что там не только масло течет. Выезд (машины) был назначен на субботу, 30 июля. В пятницу была погрузка – хотя ясно было, что машина не в порядке. В ней ковырялись разные мастера, и ничего не могли понять. К вечеру сказали, что завтра, в субботу, придет электрик-ас, и он разберется. Тем самым ясно стало, что в субботу выезд не состоится. В субботу мы приехали, чтобы кое-что перегрузить и узнать, как дела. Ас ничего не нашел, и ремонт был отложен до понедельника. Экспедиция зависала. Кибрик думал уже – не отказаться ли, не начать ли скандалить. Или, чтобы не портить отношения с базой, поехать на машине самому, когда ее «выпустят», и быть готовым к тому, что она сломается где-нибудь по дороге. Все равно деньги на экспедицию потрачены, проще будет отчитываться, если не отказываться, а выехать.

В понедельник, 1 августа стало ясно, что машину и за неделю не починить. Но тут произошло чудо – вернулась из экспедиции другая машина, тот самый ЗИЛ-131, на котором в прошлом году Володя ездил, но приведенный в порядок за зиму и с другим шофером, Вадимом. Вадим сказал, что машина на ходу, надо, понятно, кое-что подправить, что-то там с тормозами слегка и т.д., но, может быть, завтра удастся выехать.

Так оно и получилось – 2 августа в 6 часов вечера они с Тенькой выехали (накануне, в понедельник, мы перегрузили наше барахло с машины на машину), а мы выехали на следующий день, 3 августа в 16.20, на бакинском поезде. Билеты у нас были до Дербента – мы надеялись, что Тенька с Вадимом туда приедут. Но теперь сойдем в Махачкале – машина прибудет явно позже нас. В Дербенте нам негде остановиться, а в Махачкале

живет Любенька, Нинонова сестра, со своим мужем, Хадисом, и можно там спокойно ждать. Заодно можно попытаться купить обратные билеты – ни у меня, ни у Симы с Мирой обратных билетов нет. А Кибрик с Тенькой обратно собираются ехать на машине. И вот мы едем. Новое лицо для меня в экспедиции – Сима Никитина. Собственно, я знаком с Симой, хотя довольно поверхностно. А в экспедициях у Кибрика она уже бывала три раза – но все время на Камчатке. В Дагестан она едет в первый раз.

Сима лингвист, и хороший, но знаменита она больше другими своими занятиями. Она давно была известна как прекрасный исполнитель народных песен (она и сама их собирала в фольклорных экспедициях). А в последние лет десять она серьезно занимается старообрядцами, каждый год ездит по разным глухим углам, где живут старообрядцы, и изучает их жизнь и, главным образом, разные музыкальные стороны их жизни – духовные стихи и т.д. Массу материалов собрала. Выступает с докладами, рассказывает и «исполняет» собранные материалы. Слух у нее великолепный.

А кроме того – она настоящий Иракий Андронников в юбке. Может изобразить кого угодно – «аудитория» покатывается с хохоту. Неизменный участник всяких капустников и т.д. «Я человек устный», – говорит она.

Вот и сейчас то и дело она нам кого-нибудь изображает. Вчера вечером выпили (Кибрик пару бутылок прихватил) за успех предприятия, за счастливую, удачную дорогу у Теньки с Вадимом.

В поезде работает кондиционер (не всегда, правда), все вполне прилично, только туалет один закрыт, а в другой обычно очередь, и Мира обольщает проводников и добивается, чтобы ее туда (в закрытый – и потому чистый – туалет) иногда пускали.

Обсуждали проблему обратных билетов. Мирина мама (она работает в редакции «Литературного обозрения») звонила в Союз писателей в Махачкалу, говорила, что ее дочь едет в «фольклорную» экспедицию, и ей обещали помочь. У Симы тоже какая-то бумага есть. Посмотрим.

5/VIII

Поезд наш, как мы и надеялись, слегка опоздал, и мы приехали не в 3.40 утра, а в половине шестого. Правда, поспать все равно не удалось. Заботливый проводник в 3 часа пришел будить Миру. Ему скучно было дежурить без женского общества.

Решили прямо с вокзала идти купаться. В вагоне было дико душно, а пляж рядом. По дороге увидели предварительную железнодорожную кассу. Там стояло несколько человек, и был список. Касса с 7 часов утра. Записались. Сима вообще хочет ехать поездом – она не любит летать. А мы с Мирой предпочли бы самолет, но надо все пути застолбить.

Записались – и на пляж. Море спокойное, вода чудная, чистая и теплая, наверное, градуса 23–24. Наслаждаемся. Потом идем к кассе. Уже много народу собралось, но мы – в первых рядах. Как раз будут давать билеты на 20-е – день отъезда Симы и Миры. А я вижу в окошко объявление, что есть дополнительный поезд на 13 августа. И действительно, Мира с Симой берут купейные билеты на хороший скорый махачкалинский поезд на 20-е (для Симы – идеальный вариант), а мне дают только плацкартный билет на этот дополнительный. Я, таким образом, опаздываю на день, а то и больше. Неизвестно, сколько еще этот дополнительный поезд идет. У него подозрительно большой номер – 472, и в справочном говорят, что график поезда им неизвестен. Мы с Мирой еще сохраняем надежды на самолет – на блатной вариант.

Едем к Хадису – он радушно встречает и Кибрика, и нас. Завтракаем. Потом мы с Мирой идем звонить этому человеку в Союз писателей, а Кибрик – отмечать командировки. Оргсекретарь – Магомет Ахмедов – пишет нам бумагу к начальнику городской кассы – Людмиле Ивановне Давыдовой – с просьбой дать билеты «писателям»

Бергельсону и Борщеву.

С этой липовой бумагой идем в агентство. Но Людмилы Ивановны нет, уехала в аэропорт. Когда будет – неизвестно. Может быть, после обеда.

Идем купаться – тут близко море. Уже не песочек, как на пляже, а скалы небольшие, камни. Но уже волны. Купаемся опять с великим удовольствием. Возвращаемся к кассе – мы договорились встретиться там все в 13.00. По дороге замечаем забегаловку – «Национальные блюда». Агитируем всех там пообедать. Обедаем. Терпимо. Баранина, помидоры, 8 руб. на четверых.

Возвращаемся к кассе. Людмилы Ивановны нет – и надежды не очень много, что будет. А завтра – суббота, точно уже ее не будет. А уж, наверное, до понедельника мы уедем (хотя от Теньки обещанной телеграммы нет, где они и когда приедут – неизвестно).

Решаем, что все пойдут на пляж, а я подожду, вдруг все-таки придет (все другие кассирши, включая старшую, отказывались с нами говорить – им плевать на любую бумагу, она ведь начальнице адресована). И вот я жду. Уже половина пятого. Почти наверняка не придет, и роскошная бумага разве что украсит мой дневник – придется ехать на поезде. И, может быть, зря я купил этот билет. Лучше бы на проходящий садиться, но на хороший.

6/VIII

Продолжаю. Ждал я до половины пятого и решил пойти выкупаться. Сходил к морю, выкупался и решил по дороге к Хадису зайти все-таки в последний раз в агентство. Пришел и вижу – идет начальница. Я еще с кучей посетителей вошел в кабинет. Протянул ей бумагу, она прочла. Говорит, на 14-е нет ничего, а на 20-е могу дать. Звонит – «Люда, писателю Бергельсону на 20-е один билет». Завтра в любую кассу.

В общем, результат не стоил затраченной энергии. Мира вряд ли будет завтра тратить время на добывание этого билета. Имея на руках хороший билет на поезд, они с Симой так и уедут, и роскошная бумага пропала. Я пошел давать телеграмму Лиде, решил еще раз взглянуть на свой билет – и вдруг увидел, что кассирша дала мне билет на 11 число. Пришлось снова идти в кассу, менять дату. Заодно я узнал с большим трудом, сколько идет этот поезд. Раньше мне в справочном говорили, что у них «нет графика». А сейчас, после того как мне наговорили много ерунды, я наконец выяснил, что поезд с этим номером ходит от Орджоникидзе до Москвы, и делает это за 45 часов. А иногда его, видимо, пускают от Махачкалы. Так что я буду ехать до Москвы больше двух суток. Перспектива малоприятная. С вокзала вернулся домой.

Кибрик с Мирой ходили на рынок, купили баклажаны, муку, постное масло. Еще раньше были куплены помидоры. Но решили до ужина сходить в кино – мы с Мирой увидели афишу «Замужество Марии Браун», и Мира с Симой жаждали посмотреть. Кибрик решил ждать Хадиса – он еще не пришел с работы. Выпили быстро чаю и побежали. Полпути проехали в автобусе, половину – быстрым шагом. Прибегаем – сеанс перенесли в летний кинотеатр и на полчаса позже – когда стемнеет. Зря бежали.

Фильм – жуткий [3]. Мире, правда, понравилось, а мы с Симой ржали в самых драматических местах.

Вернулись – роскошный ужин. Баклажаны, помидоры, вино, чай с вареньем. Легли в 12. Мы с Кибриком прекрасно спали и проснулись где-то около восьми. А дамы наши, как оказалось, спали плохо. На Симе напала какая-то аллергия, она вся опухла и даже думала, не вернуться ли ей сразу в Москву. Но, приняв супрастин, к утру слегка отошла. И на комаров они жаловались. Мы с Кибриком таких мелочей не замечали.

А аллергия у Симы была неспроста. Дело в том, что первой точкой нашей экспедиции был Дюбек, Табасаранский район, табасаранский язык. Предыдущая экспедиция туда была в 79 году. Место, говорят, чудное. Но то ли там вода какая-то особенная, то ли еще что, но почти у всех была аллергия – все всё время чесались. Только Сандро – кавказская

кровь – избежал этой напасти. История эта стала экспедиционной легендой, чесотку эту окрестили «табасаранкой», на экспедиционных капустниках девочки даже исполняли танец с таким названием, изящно почесываясь. И вот у впечатлительной Симы аллергия началась превентивно, еще до приезда в Дюбек.

Позавтракали. Стали думать, что делать – идти купаться или на рынок. Гадали – когда они (Тенька с Вадимом) приедут. Вчера во второй половине дня пришла телеграмма, посланная почти сутки назад, из какой-то станицы за Ростовом.

Решили идти на рынок. Но пока собирались, раздался звонок и ввалился Тенька. Приехали. Доехали они без особых приключений и довольно быстро. Так что сейчас они помоются, позавтракают, придут в себя, и мы выедем, а уж по дороге заедем и на рынок. В нашем первом месте, Дюбеке, должны быть к вечеру. Начинается нормальная экспедиционная жизнь.

Махачкала

Впечатления мои, конечно, самые поверхностные. Была бы она совсем неинтересным, нормально-гнусным городом, если бы не две вещи – море и гора. Гора с тылу, а море – с фасада. Город полосой между ними. Гора невысокая, метров 500, но ее не испортишь.

А море чудное, настоящее, соленое и чистое. Город наполовину одноэтажный, наполовину современной стандартной застройки, перемежающейся провинциально-национальным модерном.

Хадис

Хадис – муж Любеньки, сестры Нинон. Он начальник, раньше работал в обкоме, сейчас заведует каким-то издательством. Плотный, солидный человек. Пожилой, на вид – лет на 8 старше меня (не удивлюсь, если на 8 лет моложе). Приятный, дружелюбный, гостеприимный. У него большая 4-х комнатная квартира в обкомовском доме. Квартира просторная, очень скромно обставленная, почти пустая. Дом хоть и обкомовский, но отделан плохо, на полах линолеум, обои дрянненькие, двери и окна – тоже. В ванной и уборной все шатается. Вид у квартиры довольно сараистый, одна комната нежилая – вполне нормальная, но темная, там гладильная доска, ящики с пустыми бутылками, горы какого-то хлама. Эта сараистость скорее вызывает симпатию к хозяевам. Люди они честные и не потребители. Сейчас Хадис живет один, Любенька с детьми в Путивле.

Нам здесь уютно и хорошо, чувствуем себя свободно, как дома.

Программа поездки

Первая точка – Дюбек, это километров 20 в сторону от трассы Махачкала – Баку, не доезжая чуть-чуть до Дербента. Тут табасаранский язык. Последний раз они были тут в 79 году. Почти все участники прошлой и позапрошлой экспедиций были здесь, кроме Теньки, он тогда был еще маленький.

Потом заезд по Самуру в Лучек и Микик. Там лезгинские языки – в Лучеке диалект рутульского, в Микике – цахурского языка. А дальше – по речке, севернее Самура, поворот туда с той же трассы, между Дербентом и поворотом на Самур. Там пять точек, первая из них Кондик, в нее я, может быть, еще и попаду, а дальше – в Буршаг, Ричи и т.д. – уже не успею.

Кибрик надеялся еще и в Чадоколюб попасть, это в самом центре Дагестана, там диалект аварского языка. Но не факт, что он успеет.

7/VIII. Дюбек – первая «рабочая точка» экспедиции. Стоим в райском месте, «у водопада». «Водопад», точнее ручей, иногда образующий маленькие водопадики – внизу.

Чуть выше – источник. А мы еще выше – на большой поляне. Стоит машина, рядом две палатки. Посередине поляны несколько громадных ореховых деревьев. По склону – громадные грушевые деревья (с грушами), ниже – алыча, ежевика. Но вначале – вчерашний день.

Тенька с Вадимом прежде всего полезли в душ. Потом мы их покормили. Собрали наше барахло, погрузили его в машину, слегка перекусили и выпили чаю, хотя есть еще не хотелось, и выехали где-то в половине второго. Прежде всего, на рынок. Закупили овощи – не очень много, только на Дюбек – потом перед следующей частью экспедиции поедем через Дербент и там купим. Поехали. Тенька упросил Кибрика заехать на море, выкупаться – они-то еще не купались, и дальше неизвестно, придется ли в дороге купаться. Заехали на загородный пляж, на полдороги между Махачкалой и Каспийском – местным аэропортом. Народу довольно много, но море чудное. Выкупались – и в дорогу. Вначале часа полтора – километров 90 – по трассе на Баку. Не доезжая километров 15 до Дербента поворот направо, на Дюбек. Чуть-чуть асфальта, а потом километров 18–20 грунтовой дороги, твердой и несложной, но плохой – едем медленно.

Часов в семь приезжаем в Дюбек. Это большая деревня, много новых больших домов из какого-то тесаного камня, типа туфа. Камни скрепляются каким-то раствором. Останавливаемся посередине деревни. Подходит какой-то учитель. Кибрик просит позвать завуча или кого-то из учителей, с которыми он работал здесь в прошлый раз. Находят Аби, завуча. Здороваются, вспоминают прошлые приезды. Кибрик просит Аби проводить нас к водопаду – место, знакомое ему с прошлой поездки, это километрах в полутора – двух выше деревни. И просит, чтобы утром пришло человека три информантов – учителей.

К водопаду попадаем уже около восьми. Ставим палатки, устраиваем постели, готовим ужин.

Стол рядом с машиной – Вадим устраивает освещение – лампочку-керосинку, т.к. уже темно.

Садимся ужинать около десяти. Выпивка – бутылка водки и бутылка вина. Развели небольшой костер. Сима не в голосе – не поет. Зато Тенька с гитарой. Репертуар – смесь Высоцкого с Окуджавой. Спать ложимся около двенадцати.

Сегодня подъем в семь. Умываемся на водопаде. Завтрак. Информанты должны были прийти в девять, но их нет. Вместо них ребяташки. И маленькие, и большие. С большими Кибрик и Тенька с Мирой пытаются заниматься. Мы с Симой наводим порядок в наших припасах. Сундук – оперативный запас продуктов и посуда, в ящиках – остальные продукты.

Потом идем с Симой гулять вверх, по руслу ручья. Ручей довольно живописный, но идти довольно трудно. Шли дожди, были потоки, и на камнях местами слой мокрой глины, скользко. Я даже пару раз падаю.

Возвращаемся. Информанты так и не пришли – свадьба. Кое-какую работу Кибрику удалось сделать, но сильно меньше, чем он планировал. Готовим обед. Обедаем. После обеда приходит какое-то местное начальство. Оставляем Кибрика представлять, а сами вчетвером (Вадим возится с машиной) просим мальчишек проводить нас к местной достопримечательности – пещере, в которой устроено что-то вроде мечети. С полчаса поднимаемся в гору, потом чуть спускаемся в соседнюю долину. Там какая-то другая деревня, Хустиль, кажется. Вот и пещера. Вход закрыт. Перед входом на кустиках – тряпочки. Мальчишки говорят, что и нам нужно какие-нибудь ниточки из одежды выдернуть и повесить на кустик. Я выдергиваю из рубашки «символические» ниточки длиной сантиметра в два и вешаю на ветку. Сима вешает аптечную резинокку. Вход в пещеру – двери в скале. Мальчишки открывают ее. Входим, зажигаем фонари, вниз ведет лесенка. Первый зал – пространство метров в 15 длиной, метров 5 шириной и метров 7–8 высотой. Пол устлан коврами. Их тут штук 40, не меньше. Потом узкий лаз и лесенка

вниз, во второй зал. Он еще больше. Были и другие залы, но вход в них недавно завалило.

Выходим. Тенька фотографирует нас у пещеры вместе с мальчишками. Возвращаемся чуть другой дорогой. Вокруг алыча всех сортов, желтая, красная, синяя. Груши, яблоки, грецкий орех, фундук. Рай, а не место. И пока – никакой «табасаранки».

Вот и наша стоянка. Кибрик сидит уже слегка довольный. Он с каким-то мальчиком неплохо поработал. А через некоторое время приходит масса народу, в том числе и учителя-информанты, которых так ждали целый день. Но они пришли не работать, а звать на пир. Они уже навеселе, и Кибрик понимает, что не отвертеться. Договариваемся с ними, чтобы по крайней мере завтра с утра пришли. Большая часть людей уходит.

Где-то рядом они суетятся, а пока Кибрик с кем-то из них работает. Минут через 40 прибегает Аби, зовет. Идем все, кроме Симы. У нее голова болит. Ведут на полянку, недалеко от нас. Человек 10–12, учителя и еще какие-то люди со свадьбы. Все уже навеселе, многие совсем хорошо набрались. Батарея в 8–10 бутылок водки. Лепешки, немного мяса – что-то вроде холодного шашлыка, очень жесткое. Рыба какая-то, помидоры, сыр. Закусили немного. Все уже сытые и пьяные. Два стакана. Знакомая картина. Начинаются тосты. Потом кто-то поет, какой-то полупрофессионал, по свадьбам выступает. Поет для нас по-русски какую-то песню про ишака. Наверное, юмор из репертуара махачкалинского радио. Кстати, когда мы стояли в деревне, слышалась «музыка» свадьбы – видимо, какой-то местный «ансамбль» пел под магнитофон. И вдруг «На Кавказе есть гора...». Только мотив – свой.

Я посидел минут сорок и смылся. Вернулся к стоянке. Сима посмотрела в мою сторону в каком-то напряжении – что за фигура идет. Оказывается, уже приходили визитеры. Я поставил чайник, а она легла спать. Попил чаю, развел костер.

Через час вернулись Кибрик с Вадимом, Тенька с Мирой еще где-то шастают. Но Кибрику с Вадимом чаю мало, они хотят поужинать после пира. Через некоторое время и Тенька с Мирой подходят, садятся чай пить. Спать ложимся поздно.

8/VIII

Подъем был в шесть. Завтрак и ожидание информантов. Они обещали прийти в восемь. Действительно, в половине девятого пришел Аби и еще два человека. Кибрик и Тенька с Мирой принялись их потрошить. Я быстренько сварил варенье из собранной вчера алычи, почти два литра получилось. Пока шла работа, мы с Симой собрали вещи. Вадим возился с машиной. Потом мы с ним обили дверь в будку резиной от камеры, чтобы пыль в кузов не набивалась.

Часов в 11 Кибрик кончил, хотя был не очень доволен. Вроде бы снял вопросы, но при наведении порядка они снова могли возникнуть. Часть ошибок была выловлена в последний момент, не факт, что еще не осталось.

Но нужно было ехать дальше, дорога длинная. Выехали в 11.40, вначале назад, на трассу. По дороге, следуя кем-то данному совету, останавливаемся у помидорного поля. Нам насыпают полную укладку, ведра два, чудных помидор. Благодарим и едем дальше. В Дербенте на заправку – за бензином. Останавливаемся у сапожной будочки – Кибрик и Тенька чистят обувь. На будочке надпись – «без дела не стоять». В Дербенте жарко, солнце шпарит. Потом на почту, за хлебом и на рынок. Хлеба-то купили, а рынок уже закрыт, понедельник, только до двух, а уже чуть больше. Но государственные ларечки еще открыты, покупаем яблоки и баклажаны. И то и другое по 20 коп. за кг. Когда проезжали по Дербенту, из окна видна была крепость. Не знаю еще, какого она времени. Развалины, что-то реставрируется. Особенно не разглядел.

Едем дальше. Кибрик с Симой в кабине, мы – оставшиеся – в кузове. Пользуемся тем, что помидоры и хлеб у нас, прикладываемся. Завтрак был не очень плотный, да и времени уж немало. Но вскоре машина сворачивает за придорожные кусты, Кибрик проголодался и «командует обед». Едим те же помидоры, паприку, картошку, сваренную еще утром, в

дорогу, пьем чай и едем дальше. Вначале по трассе, потом сворачиваем направо, наша дорога идет вдоль Самура, на Рутул. Наша сегодняшняя цель – вторая точка – Лучек, село километрах в 15 за Рутулом, на Самуре. Там диалект рутульского языка, из лезгинской группы.

Кибрик несколько просчитался. Он почему-то думал, что до Рутула от трассы километров 40, а там ровно 100, и дорога, конечно, не самая лучшая, только вначале немного асфальта и потом еще кусочек. Т.е., конечно, по дагестанским меркам дорога идеальная, твердое щебеночное покрытие, но скорость – километров 30–40 в час. Становится ясно, что приедем в темноте. По дороге видим вокруг много капусты – основной продукт, который собирались купить в Рутуле – щи варить. Останавливаемся – видим, стоят мешки. Подхожу, прошу продать пару вилок. Дают, конечно, даром. Едем дальше. Дальше Самур сужается, горы подступают, видны уже вполне приличные вершины. Темнеет. Наконец – Рутул. Проезжаем его, дальше дорога еще хуже, но ее немного. Вот и Лучек. Уже совсем темно. Проезжаем всю деревню и останавливаемся за ней, там на другом берегу ровная площадка. Вдруг начинает капать дождик. Быстро ставим палатки. Только поставили – дождик перестал, звезды. Вокруг вертится много мальчишек и молодых парней. Кто-то еще помнит предыдущие визиты экспедиции. Кибрик договаривается с ними, чтобы пришли завтра, в качестве информантов. Тут у него нет знакомых учителей.

На ужин Сима жарит какое-то блюдо сложной структуры – что-то вроде лечо из сала, картошки, помидор и яиц, только основного компонента лечо, паприки, совсем немного. С восторгом поедаем, закусывая купленную Кибриком какую-то горькую настойку и Вазисубани. Часов в 12 укладываемся спать.

9/VIII

Кибриков электронный будильник пропикал в 7. Пошли к источнику умываться и за водой. Это близко, по дороге к деревне. А вот проблема туалета тут остра. Кибрик говорит – «надо использовать складки местности». Но и со складками тут не густо. Сима с Мирой расчистили от крапивы «складку» за каким-то полуразрушенным домом. Но и за ним проходит тропа, ходят люди, гоняют стадо.

Солнышка еще нет – долина узкая. Оно вошло из-за горки только около восьми. Небо голубое – будет жарко.

Вадим возится с колесом. Вчера по дороге увидел, что на колесе не хватает одной шпильки, гайка, видимо, отвернулась. Сегодня он снял колесо, там эта шпилька кое-что разворотила. Он надеется тут в Сельхозтехнике достать.

Завтрак. Информантов нет. Кибрик идет в деревню и притаскивает одного. Мы с Симой и Вадимом тоже идем в деревню. Вадим – в гараж. Сима надеется послушать песни, она уже с кем-то познакомилась. Я захожу на почту. Кибрик говорил, что отсюда можно дозвониться до Москвы. Действительно, телефонистка не удивляется, когда я прошу Москву. Записывает номер, звонит в Рутул, просит заказать Москву через Махачкалу. Но говорит, если много заказов, то не дадут: «Что для них Рутул». И не дали, просидел я там с час зря. Пошел в тот дом, где Сима слушала песни. В этой семье все сочиняют песни. Главная сочинительница – мать, но ее не было. Зато были ее дети, две сестры и брат. Вначале Сима записала на магнитофон восьмилетнего Адеширину, потом его сестер и небольшой хор, всех их, вместе с соседкой. Потом нас позвали в сад – сады тут за деревней, у каждого свой участок. Нам сказали, что там растут грибы. И действительно, нам собрали полную сумку шампиньонов. Угостили сливами. И мы сами «угощались» мелкими абрикосами, которыми усеяна земля под деревьями.

По дороге смотрим на Лучек – тут в Самур слева впадает довольно большая река и на мысу, между ними, расположено село. В нем домов 150–200. Но во многих уже никто не живет. Как сказала нам старшая сестра: «Молодые уезжают... Я тоже уеду, выйду за

русского. Мне нет здесь достойной пары. Все алкаши...»

Вернулись. Кибрик уже поработал с информантами, но ему надо еще переписать все набело, привести в порядок. На это уходит больше времени, чем на сам опрос. Пообедали. После обеда я полез в гору. «Покорил» ближайшую вершину, скатился к ручью, впадающему в Самур. Потом прошлись с Симой и Мирой вдоль того же ручья. Ручей бурный, полноводный, с удивительно чистой водой, во многих местах она голубая, точнее – бирюзовая, свет отражается в пузырьках воздуха, которыми насыщена вода. Длина ручья – километра два. Идем по нему вверх – и вдруг он начинает сужаться и исчезает совсем на протяжении каких-то ста метров. А по склонам – сосновый лес. Дикое количество маслят – но нам не нужно, на обед ели грибы, а на вечер уже намечено жарить баклажаны.

Возвращаемся, жарим баклажаны – на ужин и на следующий день. Можно бы и ложиться – спать хочется, а завтра вставать в 6. Но желудки полны, надо прогуляться. В полной темноте идем до ручья и обратно. Все-таки ложимся сравнительно рано, в 11.

10/VIII.

Микик. *) Это в 17 км от Лучека, вверх по Самуру. Мы встали в 6, довольно быстро собрались и в 8.20 выехали.

От Лучека до Микика уже настоящая горная дорога, в общем-то неплохая, но Вадим по таким не ездил. Он ехал медленно, осторожно, в Микик мы попали в половине одиннадцатого. Местные шоферы тратят на этот перегон всего час.

В Микике нам говорят, что лучшее место для стоянки – чуть выше по Самуру, там какие-то не то геологи, не то геофизики стоят. Мы с Симой и Вадимом идем посмотреть. Действительно, тут долина чуть расширяется, дно у нее плоское, метров 150 шириной, и посередине течет Самур. А когда идут дожди, то почти все это плоское дно покрыто водой. И так было в июле, недели две назад. А сейчас рядом с Самуром стоит палатка этих геологов. Можно рядом еще сколько угодно поставить. Невдалеке по склону круто падает ручей, явно с чистой водой. Только со складками местности опять туго. Спрашиваем у геологов из вежливости, можно ли к ним присоединиться. Отвечают – конечно. Вадим возвращается в деревню, к Кибрику, а мы с Симой идем в Цахур. Это километрах в 4–5 вверх по Самуру.

Раньше туда не было дороги. А сейчас и дальше идет. Цахур очень живописен. Раньше тут была какая-то местная столица, жили беки, их Шамиль разорил. Сейчас в мечети – школа. Но наверху, над деревней, под горой, на которой жили беки, две башенки и маленький аккуратный домик – видимо, что-то вроде полуофициальной мечети. Нам Мира говорила, что в 74 году, когда она здесь была, в этих башенках видели гору старых книг. Поднимаемся к башенкам. Там сидят две старушки и ребяташки. Ребяташки предлагают позвать «хозяина». Приходит еще одна старушонка, открывает домик и разрешает нам только заглянуть внутрь. Войти нельзя – там «кораны». Пол комнаты устлан коврами, все напоминает ту пещеру, в которой мы были. Благодарим и отходим. А мальчик ведет нас к башенкам. Заглядываем внутрь одной из них через окошечко (стекла нет) – действительно, навалом лежат растрепанные фолианты, некоторые раскрытые – рукописные, арабские. Сима вздыхает – сюда бы археологическую экспедицию. Книги явно пропадают. Дорожат, видимо, только более новыми «коранами», которые хранятся в этой мечети.

Возвращаемся. Наша машина стоит уже рядом с геологической. Кибрик сидит и работает, окруженный информантами, а Мира с Тенькой уже выполнили свои задания. Дикая жара. Есть не хочется (это мне – Кибрик с Тенькой хотят). Я иду на ручеек мыться и стираться. Вода очень холодная, под водопадиком больше нескольких секунд не простоишь. Но приятно. Возвращаюсь и присоединяюсь к обедающим. Вадим после нервной дороги зашел к геологам и там слегка наклюкался, а сейчас бродит вокруг. Но

потом заходит и обедает. Дикая жара. Идти куда не хочется. Сажусь в тени и пишу этот дневник.

Ночевать будем в палатках геологов. Оказывается, у них почти все ушли в горы, а тут всего три геолога. Две палатки с раскладушками стоят пустые, они разрешили там переночевать – Сима договорилась. Нам удобно – не нужно сейчас ставить свои палатки, а утром их собирать. А завтра лучше выехать как можно раньше, подъем объявлен в 5.30. Предстоит длинная дорога, километров 200 до Кондика. Сейчас будет ужин. Я решил объявить голодовку, слишком уж мы обжираемся тут. Я предлагал коллективную голодовку на вечер, но это не для Кибриков. Что-то, а только не это.

12/VIII. Кандик, последняя для меня стоянка. Завтра утром уедем отсюда. В Хиве, районном центре, они меня высадят, я поеду в Махачкалу на попутных, а они в другую сторону, вверх по Чарыггаю.

Вчерашний день – сплошная дорога. Подъем был в шесть, завтрак, сборы, и в половине девятого мы выехали. Вадим ехал уже чуть быстрее, и мы сравнительно быстро доехали до Лучека и потом до Рутула. А в Рутуле чуть расслабились, зашли в универмаг, Кибрик там даже побрился. Потом в книжный магазин и там проваландались почти час. Поехали дальше. Вадим ехал довольно быстро, но это, пожалуй, замедляло наше передвижение, т.к. от тряски падала то газовая плита, то еще что-нибудь.

Часа в три где-то за Ахты остановились на обочине и перекусили. Солнце жгло, от проходящих по дороге машин летела пыль, но некогда было искать более удобное место.

Поели и поехали дальше. Наконец асфальт, можно ехать быстрее. Вот Магарамкент. Останавливаемся, чтобы сходить на рынок. Нужен лук, помидоры у нас еще есть, но стоит докупить – им еще дней 9–10 ездить по дальним местам, там не купишь. Но первое, что мы видим, остановившись на рыночной площади, это машина, а около нее давка...

Продают арбузы, Кибрик бросается туда и кричит: «Москвичам два арбуза...» Почему-то аргумент, скрытый в этой фразе (мы москвичи – нам можно без очереди) не действует ни на продавца, ни на покупателей. Но дело и так идет споро, и минут через 10 он уже держит два арбуза. Покупаем лук и помидоры, хлеб. Тенька с Мирой даже успевают пострелять в тире и жалуются, что ружья плохие – все мимо.

Едем дальше. Вот трасса Баку – Махачкала. Километров 10–15 едем по ней, а потом сворачиваем на Касумкент, проезжаем его, едем на Хив, а от Хива сворачивает дорога на Кондик. Вот и сам Кондик, останавливаемся на главной площади. Семь часов вечера – не слишком поздно, успеем устроиться дотемна. А пока Кибрик посылает мальчишек за директором школы, а мы ждем. Главная достопримечательность – громадный точильный круг, почти полуметрового диаметра. Он укреплен вертикально, и его вращают два человека, стоящие с двух сторон. А третий, сидя над ним, точит. Мы с Тенькой достаем свои ножи, крутим. А человек, который сидел на круге, точит нам их. Тенька и топоры кстати притаскивает, и пилу. Народ смеется – пилу тут, конечно, не наточишь. А топоры точат.

Приходит директор. Кибрик договаривается с ним про работу на завтра, и он же провожает нас на стоянку – на полянку над ручейком, за деревню. Мы устраиваемся, готовим ужин. Директор – Рамазан – уходит, говорит, сейчас вернусь. Через полчаса, уже в темноте, приходит с портфелем, выставляет две бутылки водки, литровую банку кислого молока, что-то вроде казанского катыка (очень вкусного), баранью ножку («завтра приготовите»). Ужинаем, выпиваем. В это время подъезжает машина. Еще три парня с бутылкой водки. Это уже слишком. Но они, слава Богу, скоро уезжают. Сидим, пьем чай. Потом Тенька достает гитару и поет немного. Одиннадцать. Рамазан прощается и уходит. Ложимся.

Ночь теплая. Просыпаемся – пасмурно. Идем с Кибриком умываться на источник – у ручья в большом камне раковина правильной формы, сочится вода. Интересно –

естественная раковина или выдолблена в камне.

Завтракаем и не успеваем кончить, как приходят информанты. Рамазан и Магомед, русист. Кибрик быстро дожевывает и идет работать, Тенька с Мирой тоже. Мы с Симой кончаем завтрак, убираем со стола, моем посуду. Она идет стирать, а я сажусь за дневник.

В одиннадцать мы с Симой идем на прогулку. Часа полтора-два ходим по холмам вокруг. Возвращаемся – Кибрик, Тенька и Мира сидят с информантами. Готовим обед – сегодня у нас баранина, подаренная Рамазаном. Из нее Сима с Мирой варят суп. Мира в основном участвует советами, которые только раздражают Симу. А Тенька до этого устроил скандал, требовал пожарить баранину на костре. Тут, правда, и дров-то нет, да и баранины кот наплакал. Хоть это и целая ножка, но от очень маленького барана.

Обедаем с информантами – Рамазаном и Магомедом. Сейчас пойдём на экскурсию в село, на ковровый заводик.

13/VIII. Дербент. Сижу в автобусе на Махачкалу. Здесь остановка на полчаса. А «подали» мне автобус почти к палатке, в начале девятого. Шофер, племянник или двоюродный брат Магомеда, одного из информантов, живет в Кондики, хотя автобус ходит в Махачкалу из какой-то соседней деревни. Так что проблема дороги до Махачкалы решается самым простым способом. Кажется, в половине второго буду там.

Что вчера. Сходили в деревню. Посмотрели, как ткуют ковры (или их *вяжут*?) на ковровой фабрике. Стоит штук двадцать станков, перед каждым из них сидят две-три девушки и очень проворно работают руками – вяжут узелки. Станок – это станина, на которой натянуты нити основы. А работа ручная. Сверху укреплены мотки разноцветной шерсти, с них свисают нити, из которых вяжут узелки, продевая нити через основу специальным крючком. Время от времени уплотняют сотканную часть специальными тяжелыми деревянными штуками.

Сима находит певиц, и в доме напротив фабрики начинается концерт. Поют уже настоящие народные песни. Сима говорит, что тут очень высокая культура пения. Она записывает их на магнитофон. Но концерт неожиданно прерывается – в дом принесли телеграмму, что умер какой-то родственник в Баку. Мы извиняемся и уходим.

Сима

Сима очень хороший человек. И человек интеллигентный, умный, тонкий. Но в общении с ней иногда непросто. Она – как бы это сказать – несколько нервная. Время от времени – в плохом настроении. Но хуже всего – когда она у плиты. Она терпеть этого не может, предпочла бы сама ограничить все это до минимума. А тут – надо. Более того, обладая чувством долга, она бросается закрывать все амбразуры и торчит у плиты гораздо больше, чем стоило бы, отстраняя часто других. Но что при этом происходит! Такое плотное нервное поле создается, что сковородки можно вешать. «А где у нас лук?» «Дайте мне, пожалуйста, ложку», «порезьте то», «подайте это», «возьмите у меня»... и т.д. При этом, так или иначе, несколько человек принимают участие в приготовлении пищи и происходит обсуждение, что и как готовить, чего доставать. А этого обсуждения она не выносит. «Ну, это я не знаю... Делайте, как хотите...»

Тенька с Мирой

Тенька с Мирой в этой экспедиции образовали «устойчивую пару». В машине, когда мы сидим втроем, они держатся за ручки и «воркуют». Вечером, когда все ложатся спать, они уходят гулять. Кибрик вздыхает, никогда еще Тенька не «ухаживал» у него на глазах.

А у Миры при этом несколько покровительственный тон.

Ужин, прощальный для меня. Приходит Рамазан с еще одним учителем – тот заезжал утром, но не работал, сразу же уехал и сейчас наносит визит вежливости. Они приносят две бутылки водки и кастрюлю кислого молока. Мы достаем две бутылки вина. На ужин – баклажаны и лобио. Едим, пьем. Вначале Тенька поет, потом Сима. Ложимся довольно поздно.

А утром я долго еду в этом автобусе. Чем ниже (и позже), тем жарче. В окно дует, как из дырки электрического полотенца в туалете. В Дербенте дико жарко.

Потом еще часа два – три от Дербента до Махачкалы. В Махачкалу приезжаю около двух. Иду на вокзал, узнаю, нет ли билетов на поезд «Москва – Тегеран», единственный, который проходит перед моим. Билетов нет. Дикая жара. Иду купаться. На пляже – не протолкнешься. И в воде – там, где можно стоять – тоже. А дальше в море – почти никого. Мусульмане уже начали купаться, но еще не научились плавать. Купаюсь. Потом иду обедать в привокзальный ресторан. Потом на рынок. На рынке все довольно дорого. Покупаю домой дыньку за три рубля, самую лучшую, но, тем не менее, далеко не роскошную. В Грозном были в сто раз лучше. На дорогу себе покупаю помидор и хлеба. По дороге на вокзал – еще есть время – сажусь в скверике, пишу письма. Потом захожу на почту, даю Лиде телеграмму. На вокзале извлекаю из камеры хранения свои вещи и иду к поезду.

Поезд отходит вовремя. Оказывается, это какой-то wayward train. Он ездит все время по разным маршрутам, и все время как дополнительный. Ресторана, конечно, нет. Проводники жалуются – все время всухомятку. Расписания они не знают – им дали расписание какого-то другого поезда, по нему они ориентируются.

Мои опасения, что уж в таком поезде, да еще в плацкартном вагоне, будет ехать еще и дикое количество безбилетников, посаженных проводником, не оправдались. «Лишних» пассажиров не было совсем. Более того, надо мной все время была пустая полка. То ли на этот медленный поезд никто не хотел садиться, то ли проводники честные. Но скорее всего – это действия таинственного приказа 44/ц. В Махачкале весь вокзал был увешан лозунгами: «Железнодорожники! Ваш долг – изучение и выполнение приказа 44/ц».

Вообще проводницы, надо сказать, были вполне приличны – чай давали чуть ли не три раза в день, подметали несколько раз и т.д. И все бы вообще было вполне прилично, но очень уж долго шел этот поезд. Ехал-то он, конечно, с той же скоростью, что и другие поезда, но после каждой крупной станции он доезжал до ближайшего полустанка и там стоял. Когда час, когда полчаса, пропуская скорые поезда – два, три, иногда пять поездов. И вот это стояние почему-то очень раздражало. Но надо же было ему набрать те лишние 20 часов, которые полагались ему по расписанию. В конце концов, как было положено, в 0.30 16 августа мы прибыли в Москву, и я даже успел на метро. И эта экспедиция для меня кончилась.

Примечания:

[1] Большинство имен встречается в дневниках двух предыдущих экспедиций – в Анди, 1981 и в Гигатли, 1982. Поэтому в тексте я, как правило, не привожу пояснений.

[2] Касьян – известный врач.

[3] Примечание 2000 г., через 17 лет. Вроде бы это довольно известный фильм. Но смотрели мы его, видимо, не в том настроении. Кроме того, он шел в сильно порезанном варианте.